

Арсений, архиеп. Волоколамский. В стране священных воспоминаний: (Описание путешествия в Св. Землю, совершенного летом 1900 года преосвященным Арсением, еп. Волоколамским, Ректором Московской Духовной Академии, в сопровождении некоторых профессоров и студентов) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 3. С. 532—561 (2-я пагин.). (Окончание.)

ВЪ СТРАНѢ СВЯЩЕННЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

(Описание путешествія въ Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ).

Отъ Назарета до Яффы.

Итакъ мы прощались съ Галилеею. 10 іюля, въ 3 ч. дня, въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ хорошими лошадьми, мы выѣхали изъ Назарета въ Яффу черезъ Каифу. До ближайшаго селенія насъ любезно провожали: два представителя митрополита Фотія, который и на послѣдокъ не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ, завѣдующая женскою школою В. С. П—ва и инспекторъ мужского пансіона А. Г. Кезма,—послѣдній со всѣмъ своимъ семействомъ. Прощаніе было трагательное и душевное. За недѣлю мы успѣли хорошо познакомиться и сжиться. Нельзя забыть той любезности и радушія, съ какими они приняли насъ въ Назаретѣ, съ какою услужливостью помогали ориентироваться въ Галилеѣ.

Дорога наша, недурно шоссированная, спускалась въ низину съ той возвышенности, на которой помѣстился Назаретъ. Мы миновали сады, которые вѣнцомъ окружаютъ Назаретъ, и дорога наша пошла среди холмовъ, на которые намъ приходилось то взбираться, то спускаться. При одномъ такомъ подъемѣ мы увидѣли вдали синѣющія воды Средиземнаго моря и горную массу Кармила. Направо и налѣво отъ дороги раскинуты небольшія рощицы дубковъ и масличныхъ деревьевъ. Виднѣлись хорошо обработанныя

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣстн. Мартъ, стр. 329—347.

поля. Встрѣчались кой-гдѣ маленькія деревеньки и села, состоявшія изъ нѣсколькихъ мазанокъ, въ которыхъ ютились полунагіе и загорѣлые феллахи. Въ одномъ изъ такихъ селеній выстроены храмъ въ честь Сергія Радонежскаго. Церковь — маленькая, новенькая, чистенькая, архитектура въ чисто русскомъ стилѣ. Воздвигнута она на средства Имп. Пал. Общества.

Въ воздухѣ царило особенное оживленіе: крики и щебетанье пернатыхъ наполняли воздухъ, и это оживленіе становилось тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ ближе мы подѣзжали къ морю. Эта жизнь въ воздухѣ пріятно отличала эту дорогу отъ унылыхъ и безжизненныхъ дорогъ Іудей. Замѣтно даже обиліе воды, столь рѣдкое вообще въ Палестинѣ.

Невольно при этомъ встаетъ сравненіе и сопоставленіе этой части Палестины съ уже осмотрѣнной нами Іудеей. Не смотря на то, что была середина самаго неблагоприятнаго времени—сухого знойнаго лѣта, когда солнце истребляетъ почти всякую растительность и обращаетъ южную часть Палестины въ голую пустыню, Галилея красовалась еще зеленью и сравнительно пышною растительностью. Зелень, поля кукурузы, проса, рошцы молодыхъ дубковъ пріятно ласкаютъ глазъ послѣ пустынныхъ и скалистыхъ видовъ Іудей. Галилея— страна равнинъ, плодороднѣйшихъ полей, роскошнѣйшихъ пастбищъ, снѣжныхъ горъ и тропическаго климата. Іудея— страна развалинъ, какъ бы искусственно засѣянная камнями и скалистыми громадами, безплодная, сухая и пустынная. Вся жизнь ея—въ прошедшемъ, и настоящее значеніе ея лежитъ исключительно въ историческихъ воспоминаніяхъ. Галилея производитъ болѣе отрадное впечатлѣніе своей цвѣтущей природой, болѣе уравновѣшенной и разнообразной, свѣжестью и бодростью жизни ея обитателей, большею культуро-способностью какъ почвы, такъ и жителей. Осматривая и знакомясь съ Іудеей, вы чувствуете себя какъ бы на историческомъ кладбищѣ, гдѣ замерла жизнь и гдѣ вѣетъ затхлостью склеповъ и пылью развалинъ. Трудно пережить впечатлѣніе безотраднѣе, чѣмъ какое оставляетъ Іудея: это—сплошная сѣрая масса камней, которые покрываютъ всю почву и даютъ вамъ понять, что вы находитесь въ царствѣ руинъ и историческихъ реликвій. Грусть стѣсняетъ ваше сердце, вы роетесь въ своихъ вос-

поминаніяхъ, стараясь воображеніемъ и мыслью возсоздать то, чего не даетъ дѣйствительность. Святѣя мысли,—но какъ онѣ далеки отъ той жалкой наличности, которую даетъ Іудея! Живая и цвѣтущая природа Галилеи производитъ другое впечатлѣніе. Вотъ видъ Галилеи съ вершины горы Фаворъ. У полножія пестрымъ ковромъ растилается Изреельская долина, разбитая на участки, то зеленѣющая, то желтѣющая, отливая то изумрудною зеленью, то золотомъ поспѣвшихъ хлѣбовъ. На востокъ тянется цѣлое море холмовъ, за которыми чуть-чуть виднѣется Галилейское озеро; на сѣверѣ бѣлѣются снѣжныя вершины Большого Ермона, а вдали можно различить голубыя воды Средиземнаго моря. Картина разнообразная и очаровательная! Повѣзка въ Галилею изглаживаетъ нѣсколько то тяжкое и гнетущее впечатлѣніе, которое оставляетъ по себѣ Іудея. Поэтому знакомство съ Іудеей безъ знакомства съ Галилеею дастъ очень скудное и неполное представленіе о Палестинѣ. Нельзя, поэтому, не выразить особенной благодарности нашему Пресвященному Владыкѣ, который въ особенности настаивалъ на поѣздкѣ въ Галилею, говоря, что безъ Галилеи мы не будемъ знать Палестины.

Скоро мы оставили группу холмовъ за собой и выѣхали на равнину, по которой змѣвилась рѣченька Нахръ-эль-Мукатта, древній потокъ Киссонъ. Онъ почти высохъ, и мы преспокойно переѣхали его вбродъ. Открывшаяся передъ нами долина тянется вдоль всего теченія потока и у моря сливается съ прибрежною полосой. Она служитъ какъ бы подножіемъ Кармила, черною громадой высящагося надъ нею. Кармилъ—одна изъ святыхъ горъ, часто упоминаемыхъ въ Библии. Кармилъ для свящ. писателей служитъ эмблемой особеннаго плодородія, изобилія и роскоши. Онъ величается у нихъ „великолѣпнымъ Кармиломъ“. Для пророковъ отсутствіе на немъ зелени и потеря красы были явнымъ признакомъ гнѣва Божія. Въ знойное время лѣта, когда всѣ окрестности вблизи и вдали одѣваются въ мертвенный желтый цвѣтъ, когда вся растительность и зелень сожигаются солнцемъ, одинъ Кармилъ гордо возвышается во всемъ богатствѣ своей никогда неувядаемой зелени. Онъ высится на 1700 футовъ надъ уровнемъ моря, и вершина его иногда покрывается снѣгомъ. Обращенный къ намъ склонъ его былъ

покрыть обильною и разнообразною растительностью. Дубъ, теревинѣъ, маслина, рожковое дерево, терновникъ и густыя заросли колючихъ кустовъ образовали сплошную, трудно проходимую чащу. Можно было видѣть пасущіяся стада, которыя бродили по зеленѣвшимъ склонамъ. Чѣмъ ближе мы подѣвжали къ приморской полосѣ, тѣмъ болѣе встрѣчались населенія и жизни. Мы приближались къ Кайффъ. Слышался шумъ морского прибоя. Лежавшій передъ нами городъ тонулъ въ зелени садовъ. Купы высокихъ пальмъ живописно окружали городъ, высоко поднимая свои верхушки къ небу. Кайфа—маленькій и грязный городишко, и не представляетъ собою рѣшительно ничего, ни новаго, ни интереснаго. Узенькія улицы, высокіе дома, минареты мечетей, пестрая толпа на улицѣ, шумъ и сутолока,—однимъ словомъ, всѣ отличительные признаки восточнаго городка. Лежить онъ на берегу большого Акрсакаго залива, у самаго подножія Кармила, который стѣной спускается къ морю. Въ немъ до 10 т. жителей, изъ которыхъ около полуторы тысячи евреевъ. Есть греческая церковь, русскій пріютъ — школа и прекрасно устроенныя католическія школы. Бухта, на южномъ берегу которой расположилась Кайфа, не смотря на свои размѣры (около 15 в. въ ширину), очень мелка, ее затягиваетъ пескомъ, и пароходы рѣдко заходятъ въ нее. Пассажиры часто доставляются на берегъ на спинахъ гребцовъ, такъ какъ и лодки не въ состояніи близко подойти къ берегу. Трудно, поэтому, предположить, чтобы этому городку особенно улыбалось будущее. Мы проѣхали узкими улицами города, гдѣ при встрѣчѣ съ другими экипажами не было бы никакой возможности разминуться, а пришлось бы пятиться назадъ, и въѣхали въ нѣмецкую колонію, которая широко раскинулась за городомъ. Вступивши въ колонію, мы словно изъ Азіи попали въ Европу. Прекрасно распланированныя улицы, широкія и мощенныя, обрамленныя по обѣимъ сторонамъ аккуратными бѣленькими домиками европейской архитектуры, съ верандами и всѣми хозяйственными пристройками, купы кипарисовъ, масса зелени, магазины, школа, нѣмецкій говоръ, — все это производитъ полнѣйшую иллюзію: можно подумать, что находишься въ центрѣ какой-нибудь Швабіи или Баваріи. Только минареты Кайфы вдали, да тропическая атмосфера

нѣсколько нарушаютъ эту иллюзію. Мы остановились въ гостиницѣ „Carmel“, громадномъ трехъэтажномъ зданіи, съ очень приличными номерами и всѣми европейскими удобствами. Общая столовая, читальный залъ, заваленный нѣмецкими и французскими газетами, нѣчто въ родѣ маленькой библіотечки, наполненной книгами по Палестино-вѣдѣнію,—словомъ, въ этой гостиницѣ мы встрѣтили все, что можно найти въ хорошемъ европейскомъ отелѣ. Расположившись по номерамъ и подкрѣпивъ себя ужиномъ, скоро и чисто приготовленнымъ въ общей столовой, мы вечеромъ отправились знакомиться ближе съ колоніей. „Carmel“ расположена у самаго подножія Кармила, который стѣной гигантской нависъ надъ колоніей, и только узкая полоса земли отдѣляетъ его отъ моря. Эта полоса сплошь занята виноградниками, которые стелются вокругъ всей колоніи. Эти виноградники даютъ одно изъ лучшихъ палестинскихъ винъ „Carmel“. Изъ открытыхъ оконъ большого дома, мимо котораго мы проходили, неслись стройные звуки пѣнія. Господствовали женскія голоса. Мы долго простояли, наслаждаясь мелодіей исполняемыхъ кантатъ, гармоничнымъ пѣніемъ, отъ котораго уже значительно отвыкло наше ухо на Востокъ. Голоса смолкли, и изъ дома вышло нѣсколько дѣвушекъ, болтая между собой по нѣмецки. Мы направились къ морю. Тихій рокотъ его и ритмическій плескъ волнъ наполняли воздухъ. Чѣмъ мы ближе подходили къ берегу, тѣмъ ощутительнѣе становилась сырость, которою насыщенъ былъ воздухъ. Миновавъ домъ, на которомъ гордо красовалась надпись: „British vice-consulate“, освѣщенный двумя фонарями, мы вышли на набережную. Берегъ вдоль всей колоніи обложенъ прекрасною набережною. По срединѣ ея въ море вдается маленькій искусственно устроенный молъ, съ котораго спускается въ море небольшая кладка въ нѣсколько ступеней. Къ этому молу присталъ и по этой лѣстницѣ сошелъ на Палестинскій берегъ Германскій Императоръ Вильгельмъ II въ свою поѣздку на Востокъ, въ 1898 году. Набережная съ моломъ была построена къ триумфальной встрѣчѣ Германскаго монарха. Да и колонія, несомнѣнно, своей идеальной чистотой, игрушечной архитектурой и европеизмомъ всего общаго вида много обязана этому необычайному посѣщенію. Нѣмецкіе культуртрегеры хотѣли показать Импера-

тору, какъ можно и должно' колонизовать Востокъ и насаждать нѣмецкую культуру. Мы стояли на этой исторической набережной и наслаждались великолѣпною ночью. Она была тихая и спокойная, только море тревожно билось о гранитныя стѣны набережной. Волна за волной набѣгали на нее, еще издали бѣлѣя своими гребнями. Разбиваясь одна о другую, онѣ рассыпались фосфорическими огнями. Вдали, по ту сторону залива, свѣтились огни Акры, блестящія чуть замѣтными точками. Колонія засыпала, и только фонари лили тихій свѣтъ на пустынные улицы. Не хотѣлось уходить отъ берега. Какъ-то особенно хорошо мечтается подъ ритмическій прибой волнъ. Образы бѣгутъ, какъ волны; догоняя и опережая другъ друга, они сплетаются, растутъ. И когда воображеніе слишкомъ далеко уже уносится, внезапно сильно хлестнувшая о берегъ волна, рассыпаясь тысячею брызгъ, заставляетъ вздрогнуть и на мгновеніе возвращаетъ къ дѣйствительности. И мысли, и образы опять текутъ, фантастически безостановочно и легко цѣпляясь другъ за друга..... Вѣчное движеніе моря, однообразная музыка его волнъ какъ-то невольно загнипнотизировываютъ и, какъ древняя сирена, приковываютъ къ себѣ. Трудно оторваться отъ этого очарованія. Превращаешься въ слухъ и въ зрѣніе, и въ тебѣ самомъ начинаетъ отдаваться та же музыка волнъ. Такъ мы простояли до полуночи и, опьяненные моремъ, насыщенные его влажностью, отправились въ гостиницу. И долго преслѣдовалъ насъ звукъ прибоя и отбоя, и даже улегшись въ постель, мы слышали тотъ же однообразный, ласкающій слухъ, переливъ волнъ. Такую ночь трудно забыть, и впечатлѣнія ея не скоро изглаживаются....

11-е Юля. Вторникъ. На слѣдующее утро за общимъ столомъ мы познакомились съ однимъ джентльменомъ, который оказался администраторомъ еврейской колоніи, лежавшей намъ на пути. Онъ—еврей, но хорошо говорилъ по русски. Онъ удивился, что мы въ такое жаркое время путешествуемъ по Палестинѣ. Представившись Преосвященному, онъ убѣдительно просилъ его вмѣстѣ съ нами посѣтить еврейскую колонію. Когда Преосвященный изъявилъ на это свое согласіе, то любезный администраторъ послалъ впередъ въ колонію къ своему помощнику гонца съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ туда „дорогихъ гостей“, и чтобы имъ оказанъ былъ

надлежащій пріемъ. Самъ же онъ, къ великому его сожалѣнію, не могъ насъ встрѣтить, такъ какъ неотложныя дѣла требовали пребыванія его здѣсь.

Послѣ завтрака одна партія нашихъ путешественниковъ отправилась осматривать Кармелитскій монастырь, другая предпочла освѣжиться морскимъ купаньемъ.

Кармелитскій монастырь стоитъ на крайнемъ сѣверо-западномъ хребтѣ Кармила, которымъ онъ почти отвѣсно вдается въ море. Стоитъ онъ на высотѣ 500 футовъ надъ морскимъ уровнемъ и далеко виденъ съ моря. Какъ орлиное гнѣздо, прилѣпился онъ на скалахъ Кармила. Получаса хорошей ходьбы достаточно, чтобы взобраться до площадки, на которой раскинулся монастырь. Это—величественное громадное квадратное зданіе, вмѣщающее въ себя не только церковь и монастырь, но и обширную страннопримницу, внутренній садъ, службы, дворъ. Это одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ Палестинѣ. Разрушенный турками въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онъ сравнительно очень недавно возобновленъ. Обитатели и насельники его—итальянскіе монахи. Монастырь устроенъ со всевозможными удобствами. Хорошо отдѣланныя кельи, съ массою свѣту и прекрасной вентиляціей, образцовая чистота всюду, библіотека, великолѣпно и богато украшенная церковь, посвященная памяти Великаго пророка Іліи — все это обращаетъ на себя вниманіе. Подъ главнымъ алтаремъ этой церкви находится величайшая святыня Кармила — пещера, въ которой, по преданію, скрывался св. Пророкъ. Спустившись въ пещеру, мы были поражены прекрасной рѣзной статуей Пророка. Тутъ же стояла статуя Богоматери, одѣтая въ современное платье, украшенная драгоценною короной въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей и ожерельемъ изъ турецкихъ монетъ. Платье на статуѣ мѣняется по требованію моды. Плачущій младенецъ съ куклою на рукахъ у Богоматери, занавѣсь то поднимавшійся, то опускавшійся, какъ на сценѣ,—все это произвело на насъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе. Эта театральная обстановка сильно отзывалась профанаціей. Патеры съ удовольствіемъ показывали намъ всѣ монастырскія достопримѣчательности и въ заключеніе предложили намъ отвѣдать превосходнаго кармилскаго винограда. Кромѣ монастыря, на вершинѣ Кармила стоитъ еще маякъ, далеко виднѣю-

шійся съ моря, и памятникъ въ честь французовъ, павшихъ подъ Акрой, какъ о томъ гласить надпись. Мы поблагодарили любезныхъ хозяевъ монастыря и стали спускаться внизъ. Весь Кармилъ источенъ массою пещеръ и гротовъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ связываютъ память того же великаго пророка Іліи. Большинство же изъ нихъ сдѣланы руками отшельниковъ, издавна селившихся на этой святой горѣ. Теперь же эти пещеры населены шакалами, да совами. На одномъ крутомъ и высокомъ поворотѣ мы остановились, чтобы полюбоваться открывавшимся видомъ съ горы. Глазу не хочется оторваться отъ безбрежной дали, гдѣ синева моря сливается съ лазурью неба. Море блещетъ на солнцѣ и на его волнующейся поверхности играютъ, сверкая, бѣлые барашки волнъ. Ослѣпительный блескъ моря рѣжетъ глаза. Вдали, какъ крылья чайки, кой-гдѣ бѣлѣютъ паруса прибрежнаго судна. Еще дальше сверкаетъ на солнцѣ бѣлая Акра съ своими тянущимися къ небу минаретами и куполообразными мечетями, хорошо вырисовывающимися въ ясномъ и чистомъ воздухѣ. Безбрежный просторъ, открывающійся глазамъ, захватываетъ духъ. Глазъ не охватываетъ этого безпредѣльнаго горизонта, этого вѣчно лазурнаго пространства, которое сливается въ одну безконечную даль. Взглядъ, отрываясь отъ синей дали, падаетъ на раскинувшуюся у ногъ сѣрую массу домовъ Кайфы, на окруженную садами и виноградниками колонію. Нѣсколько правѣ, по равнинѣ, извиается Киссонъ, и сквозь узкое ущелье пробиваетъ себѣ дорогу къ морю. Далѣе начинается Ездrelонская долина, усѣянная маленькими холмиками; еще дальше вырастаютъ туманныя очертанія Назаретскихъ горъ. А надъ всѣмъ этимъ распростирается вѣчно голубое, ясное, улыбающееся небо, потоками льющее свѣтъ и теплоту. Чудная панорама, волшебные виды! Красота моря соединяется съ живописностью горныхъ пейзажей, морскіе виды переплелись съ долинами, холмами, горными ручьями! Съ чувствомъ сожалѣнія спустились мы съ горы. Мы искренно пожалѣли тѣхъ, которые не пошли съ нами на Кармилъ. Только такія, общія картины, какія открываются, на примѣръ, съ Фавора или съ Кармила, могутъ дать возможность составить истинное представленіе о красотѣ Святой Земли, ея чудномъ разнообразіи, своеобразной поэзіи ея природы. Общія виды Палестины съ такихъ горъ—

это вся Палестина въ перспективѣ. Съ Фавора открывается почти вся Галилея, и предъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ всѣ ея мѣстности, горы, города и рѣки. Съ Елеонской горы можно обозрѣть всю Іудею.

Когда мы спустились съ горы, все уже было готово къ отѣзду. Мы распростились съ гостиницею „Сармел“, такъ любезно, хотя и далеко не безкорыстно, пріютившею насъ, и тронулись въ путь. Дорога наша лежала по новому Вильгельмовскому шоссе, проложенному турецкимъ правительствомъ къ пріѣзду Германскаго монарха. Раньше такого шоссе не существовало. За время путешествія намъ неоднократно приходилось поминать добрымъ словомъ высокаго паломника, Императора Германскаго, для котораго по Палестинѣ, гдѣ раньше могла ступать только осторожная нога ослика, теперь проложены дороги, отличающіяся невиданными въ Палестинѣ удобствами—ровностью, шириной и вообще приспособленностью къ экипажной ѣздѣ. Новое шоссе пролегаетъ чрезъ всю обширную Саронскую долину, въ которую мы сейчасъ же и въѣхали, оставивъ позади себя Кайфу и нѣмецкую колонію.

Саронская долина—величайшая равнина Палестины. Она разстилается отъ Кармилскаго хребта до Яффы и Лидды, и отъ морского берега до горъ Самарин и Іудеи. Эта широкая полоса составляетъ плодороднѣйшую и роскошнѣйшую часть гористой Палестины. Это—житница ея. Въ древности здѣсь были богатѣйшія пастбища, гдѣ паслись громадныя царскія стада. Теперь долина имѣетъ нѣсколько другой видъ. Почти все пространство занято подъ пахатную землю. Мы не имѣли возможности насладиться чуднымъ видомъ, какой представляетъ собою равнина весною, когда все неизмѣримое пространство покрывается изумрудною зеленью хлѣбовъ. Теперь же, въ срединѣ лѣта, почти все было или снято съ корня, или выжжено, все окрасилось въ желтый цвѣтъ, и только кой-гдѣ виднѣлись зеленые оазисы. Раскиданные то тамъ, то сямъ холмы разнообразяютъ поверхность, придавая ей волнистый видъ. Очень рѣдко можно встрѣтить убогую деревушку, пріютившуюся по склонамъ холма. Иногда небольшіе ручьи прорѣзываютъ равнину и теряются въ прибрежныхъ пескахъ, часто не достигая моря. То черная, то красноватая воздѣланная почва, желтая, а кой-гдѣ

еще и зеленяя поля, коричневяя возвышенности равнины, песчаная полоса морского берега, синее море на западѣ, голубяя горы на востокѣ—вотъ чудные ландшафты Саронской долины!

Наша дорога шла вдоль самаго морского берега. Безпокойныя волны его постоянно набѣгали на отлогій песчаный берегъ. По мѣстамъ виднѣлись выкинутые моремъ обломки—жалкіе остатки послѣ крушеній. Недаромъ Палестинскій берегъ отъ Триполи до Яффы пользуется дурною извѣстностью у моряковъ. Бурливое и въ обыкновенное время, море становится особенно опаснымъ при сильномъ западномъ вѣтрѣ. Судна съ страшною силою гонятся къ берегу и часто погибаютъ, натыкаясь на подводныя скалы и рифы, которыми такъ изобилуетъ этотъ берегъ. Такъ, сравнительно недавно пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли „Чихачевъ“ затонулъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ сажени отъ Яффскаго берега, и трубы его и теперь еще печально выглядываютъ изъ воды.

Весь Палестинскій берегъ покрытъ руинами прежде цвѣтущихъ городовъ. На протяженіи всего берега отъ Бейрута до Яффы лежатъ эти историческія развалины. Берегъ этотъ, жившій когда-то полною жизнью, ведшій міровую торговлю, породившій всесвѣтлыхъ мореходцевъ древняго міра—финикянъ,—теперь затихъ. Нѣкогда великолѣпныя гавани древней Іуппіи, Кесаріи, Тира и Сидона, занесены теперь пескомъ и иломъ, и на всемъ побережьи только одна Бейрутская гавань считается удобной и безопасной. Трудно сказать, чѣмъ объясняется пустынность этого берега теперь. Кажется, все благоприятствовало бы его процвѣтанію: и громаднѣйшая плодородная равнина Палестины, прилегающая къ нему, и отсутствіе крупныхъ скалистыхъ береговъ, которые мѣшали бы высадкѣ. Напротивъ, весь берегъ отличается ровностью, на всемъ протяженіи представляетъ онъ однообразную песчаную полосу. И между тѣмъ онъ безлюденъ и пустыненъ, и только развалины, встрѣчающіяся по мѣстамъ, раскиданныя по песчаной полосѣ или торчащія изъ воды, нѣсколько нарушаютъ мертвое однообразіе этого побережья. Мы ѣхали точно по какому-нибудь некрополю: всюду виднѣлись пещеры и гробницы.

Не смотря на все это, дорога не была утомительной.

Близость моря и его влажное дыханіе значительно умѣряли раскаленную температуру воздуха. Та же близость моря давала намъ возможность пользоваться чуднымъ купаньемъ, съ прелестью котораго ничто не сравнится. Черезъ два часа ѣзды мы остановились у развалинъ Атлита или Замка пилигримовъ. Это, по преданію, одно изъ мѣстъ высадки европейскихъ крестоносцевъ. Атлитъ былъ, повидимому, укрѣпленнымъ замкомъ, помѣстившимся на выдающемся мѣстѣ. Теперь—это жалкіе остатки, источенные водой и вѣтромъ. Сохранившіяся стѣны указываютъ на остатки церкви. Оставивъ лошадей неподалеку отдыхать, мы побѣжали освѣжить себя морскимъ купаньемъ. Мѣсто было очень удобное, песчаное и ровное. Было время прибоя, и волны высокими валами набѣгали на берегъ. Приходилось очень искусно лавировать между волнъ, чтобы не быть покрытымъ налетающей волной и не наглотаться морской воды. Намъ до того заняла эта борьба съ волнами, что мы прокупались болѣе, чѣмъ предполагали. Не хотѣлось разставаться съ этой живой стихіей, такъ ласково съ нами заигрывавшей. Волной на берегъ повыбрасывало много крабовъ, и мы подробно ознакомились съ этимъ морскимъ обитателемъ. При одѣваньи создалось досадное неудобство,—нельзя было одѣться, чтобы не набрать въ бѣлье и ботинки песку. Морское купанье значительно освѣжило наши силы, и мы съ бодрымъ духомъ продолжали путешествіе.

По всей дорогѣ намъ дальше встрѣчались остатки развалинъ, по землѣ были разсѣяны разбитыя колонны, куски гранита, мрамора,—единственные остатки прежнихъ архитектурныхъ сооружений. Все свидѣтельствовало о насильственномъ запустѣніи и прекращеніи жизни. Взрытая мѣстность, избородженная насыпями, рвами и пещерами, говорила, что это когда-то были мѣста древнихъ копей.

Какъ мы послѣ узнали, по этой береговой полосѣ, отъ Кайфа и до Яффы, разбросаны владѣнія барона Ротшильда, приобретенныя имъ для еврейской колонизаціи. Не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ явленіи въ жизни Палестины и евреевъ.

Движеніе евреевъ въ Палестину — не простая эмиграція на экономической почвѣ. Мотивы лежатъ глубже и серьезнѣе. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, среди русскихъ и

румынскихъ евреевъ по преимуществу, съ особенною силою возникло тяготѣніе къ исторической родинѣ, къ Палестинѣ. Вліяли отчасти несчастныя внѣшнія обстоятельства, русскіе погромы, разоренія. Началось массовое бѣгство и переселеніе евреевъ въ Палестину, по началу безъ всякой опредѣленной организаціи. Представители еврейства на палестинское движеніе взглянули глубже и серьезнѣе, и поспѣшили дать ему теоретическое обоснованіе, связавъ его съ національно-культурными задачами еврейства. Явилась теорія, что евреямъ, чтобы стать отдѣльною націей, необходимо занять опредѣленную территорию, гдѣ они могли бы развивать самобытную культурную жизнь. Такой территоріей можетъ быть только Палестина, ихъ историческая родина. Какъ выводъ, изъ этой политической теоріи построена была реальная задача — колонизаціи Палестины путемъ постепеннаго переселенія туда и образованія въ ней еврейскаго центра. На первыхъ порахъ это дѣло было въ рукахъ частной инициативы, и потому попытки колонизаціи были не систематичны и плохо организованы. Съ начала девяностыхъ годовъ дѣло вступаетъ въ другую фазу развитія. Палестинская идея съ особенною силою была поднята т. наз. „Сіонистскимъ“ движеніемъ. Послѣднее своей прямой задачей поставило культурное возрожденіе Палестины, которое должно быть достигнуто планомѣрною колонизаціей въ большихъ размѣрахъ. До сихъ поръ Палестина для еврейства была дорогًا, какъ священная реликвія, какъ историческое кладбище,—сіонистское движеніе возбудило къ ней интересъ, какъ къ странѣ будущаго, какъ къ новому національному центру, возрожденіе котораго должно стать задачей всего еврейства. Подъ вліяніемъ этого національнаго воодушевленія устраивались общества, читались рефераты и рѣчи, составлялись планы переселенія въ Палестину. Первые результаты колонизаціи нѣсколько охладили горячее возбужденіе среди евреевъ. Отсутствіе знанія природы страны и условій жизни, полнѣйшая практическая неподготовленность первыхъ переселенцевъ, ихъ скудныя матеріальныя средства,—все это скоро привело ихъ къ бѣдственному положенію. И колонизаторская горячка навѣрно скоро прошла бы, если бы на помощь переселенческому дѣлу не пришелъ баронъ Ротшильдъ съ своими милліонами. Онъ принялъ го-

рячее участіе въ переселенцахъ и взялъ колонизаціонное дѣло подъ свое покровительство. Въ настоящее время въ Палестинѣ дѣйствуютъ нѣсколько обществъ, правильно организованныхъ, обладающихъ большими средствами и создавшихъ уже цѣлую сѣть колоній. Послѣднихъ насчитывается теперь до 20. Разбросаны онѣ главнымъ образомъ по Галилеѣ и Самаріи, занявъ лучшія мѣста по Саронской долинѣ. Переселенческія организациі, которыхъ насчитывается до трехъ, дѣйствуютъ вполне самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Самое крупное дѣло находится въ рукахъ Ротшильдской администраціи, опекающей до 10 колоній. Ротшильдъ вложилъ въ нихъ уже десятки милліоновъ рублей. Эта система опеки, имѣя хорошія стороны, имѣла и дурныя, какъ показали результаты. Помощь барона не ограничивалась денежнымъ вспоможеніемъ, а шла дальше. Онъ присылалъ ученыхъ садовниковъ, винодѣловъ, агрономовъ, приобрѣталъ для колоній инвентарь,—словомъ, давалъ имъ въ руки все, что было необходимо, и даже больше. Но эта система опеки, основанная на принципахъ благотворительности, дала и печальные результаты. Матеріально обезпечивая колонистовъ, эта опека подрывала энергію ихъ, парализовала личную волю и инициативу. Колоніи были обращены въ искусственно насаженные поселенія, гдѣ господствовала строгая дисциплина и режимъ, введенные Ротшильдской администраціей. Послѣдняя во всемъ стѣсняла свободу колониста, и онъ долженъ былъ ей безпрекословно повиноваться подъ опасеніемъ лишиться вспоможенія. Все, что производила колонія, поступало въ вѣдѣніе администраціи, колонистъ за это получалъ пособіе. Такое положеніе, неувѣренность въ собственности и трудъ, пагубнымъ образомъ дѣйствовали на колонистовъ, пріучая ихъ всю жизнь ходить на помочахъ Ротшильдской администраціи. Система Ротшильдскаго управленія поэтому мало способствуетъ самостоятельному экономическому преуспѣванію колоній.

Интересно отношеніе турецкаго правительства къ еврейской колонизаціи. На первыхъ порахъ оно относилось благосклонно и даже иногда даромъ уступало землю для поселенія. Но въ послѣднее время правительство взглянуло менѣе благоприятно и даже предприняло рядъ репрессивныхъ

мѣръ, имѣвшихъ цѣль—положить предѣлъ еврейской колонизации и увеличенію поселеній въ Палестинѣ. Въ 1892 году оно запретило высадку русскимъ и румынскимъ евреямъ въ портахъ Святой Земли и предписало не продавать имъ никакой недвижимости. Заиорданье для нихъ было совершенно закрыто. Право передвиженія по Палестинѣ было строго ограничено и соединено со всевозможными стѣснительными мѣрами. Покупка новыхъ земель запрещена была не только единичнымъ евреямъ, но и обществамъ, и всемогущему Ротшильдъ.

Таковы основныя черты положенія колонизаціоннаго дѣла въ Палестинѣ.

Нашъ путь лежалъ черезъ одну изъ такихъ колоній, Зихронъ-Яковъ (Самаринъ), и мы имѣли возможность ближе ознакомиться съ дѣломъ еврейской колонизаціи и ея дѣйствительнымъ положеніемъ.

Колонія Зихронъ-Яковъ основана румынскими евреями. Почва, выбранная переселенцами, известковая и глинистая, усѣянная камнями, и потому малоплодородная. Хлѣбопашество было невысказано, и колонисты перешли къ плантаціонному хозяйству. Но скоро средства были истощены, результаты же были ничтожны. Тутъ-то во время пришелъ на помощь Ротшильдъ съ своими капиталами и снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Каждый поселенецъ этой колоніи до послѣдняго времени обошелся ему отъ 30—40 тысячъ руб. По общему признанію, теперь Зихронъ-Яковъ самая большая (жителей свыше 2500 ч.) и самая красивая колонія во всей Палестинѣ. Это даже скорѣе городъ, чѣмъ простая колонія. Она расположилась высоко надъ берегомъ моря, на крутыхъ отрогахъ Кармила, среди богатой и роскошной зелени. Къ ней ведетъ превосходное шоссе, въѣхавъ на которое, мы сразу увидѣли перемѣну въ окружающей природѣ. Дикія запущенныя заросли смѣняются образцовыми садами и прекрасно обработанными виноградниками. Рука человѣка произвела здѣсь чудную метаморфозу съ почвой и природой: она вызвала къ жизни ея дремлющія силы, и дикая, пустынная мѣстность обратилась въ цвѣтущій садъ. Всюду видна культура человѣка. Колонія раскинулась нѣсколькими, правильно разбитыми улицами. На сосѣднихъ холмахъ виднѣется нѣсколько маленькихъ предмѣстій Зих-

рона. При въѣздѣ, Зихронъ сразу производитъ впечатлѣніе шумнаго центра, гдѣ жизнь и дѣятельность бьютъ ключемъ. Мы остановились въ гостиницѣ, или вѣрнѣе — постояломъ дворѣ, чистота и удобства котораго оставляли желать очень многаго, и мы, скрѣпя сердце, расположились въ немъ. Замѣчательно, какъ евреи всегда остаются евреями, гдѣ бы они не были и при какихъ условіяхъ не жили бы. Та же любовь къ нечистотѣ и нечистоплотности, отвращеніе ко всякимъ гигиеническимъ и санитарнымъ требованіямъ отличаютъ всякаго еврея, подъ какими градусами широты или долготы земнаго шара онъ не жилъ бы. Завѣдующій колоніей, человекъ, окончившій русскую гимназію и докторъ философіи заграничнаго университета, съ своимъ коллегой докторомъ-французомъ сейчасъ же по нашемъ прибытіи явился къ намъ и любезно предложилъ показать колонію. Мы отправились. Жизнь въ колоніи течетъ на городской манеръ. Каменные большіе дома европейской постройки, зданія синагоги, гостиницъ, почты и администраціи, украшаютъ главныя улицы. Огромное депо торговаго склада, гдѣ можно найти все, что необходимо для благоустроеннаго города, замѣняетъ магазины. Въ Зихронѣ сосредоточивается управленіе всѣми колоніями, опекаемыми Ротшильдомъ. По словамъ нашего проводника, нигдѣ такъ несовершенство Ротшильдовской системы не выдѣляется, какъ въ Зихронѣ. Въ экономическомъ отношеніи колонисты далеко еще не обеспечены и до послѣдняго времени получаютъ вспомошествованіе отъ Ротшильда.

Колонія владѣетъ большою земельною собственностью, большая половина которой отведена подъ виноградники. Винодѣліе составляетъ главное производство колоніи и главный вывозной продуктъ. О количествѣ производства можно судить по тому, что за прошлый годъ вывезено было до 400 тысячъ ведеръ вина, разныхъ качествъ и сортовъ. Занимаются колонисты также шелководствомъ, пчеловодствомъ и разными ремеслами. Хозяйство колоніи обставлено очень хорошо. Работаютъ паровая мельница и винной погребъ,—одна изъ главныхъ достопримѣчательностей колоніи. Это чудо винодѣльческой техники, и мы опишемъ его подробнѣе.

Нигдѣ винодѣліе не нуждается въ столь дорого стоящихъ

сооруженіяхъ и машинахъ, какъ въ Палестинѣ, жаркій климатъ которой создаетъ массу препятствій, мѣшающихъ правильному переходу винограднаго сусла въ вино. Броженіе здѣсь наступаетъ быстро, тотчасъ послѣ выжимки, а потому сокъ необходимо сильно охладить для предупрежденія несвоевременнаго броженія. Процессъ охлажденія и осложняется дѣломъ. Зданіе погреба находится на концѣ колоній. Высокая фабричная труба указываетъ дорогу къ нему. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ каменныхъ корпусовъ и башенъ. Процессъ производства очень интересенъ. Повозка съ виноградомъ сортируется, взвѣшивается, и затѣмъ виноградъ перекалывается въ вагончики, которые по рельсамъ подкатываются къ жерлу выжимальной машины. Попадая туда, виноградная кисть выжимается, сокъ по большимъ гуттаперчевымъ трубамъ нажимается насосомъ въ чаны, а древесина и шелуха особыми автоматическими лопатками выбрасываются и идутъ на приготовленіе коньяка. Сокъ, попадая въ чанъ, недолгое время отстаивается и затѣмъ прогоняется черезъ мѣдныя трубы, проложенныя внутри трубъ большаго діаметра. Между тѣми и другими проходитъ вода, возведенная до температуры—15°. Вино, охладившись, попадаетъ во вторые чаны, снова охлаждается и затѣмъ уже, нѣсколько отстоявшись, переходитъ по трубамъ, внизъ, въ погребъ, гдѣ подвергается детальной обработкѣ, смотря по сорту винограда. Подвалъ—это цѣлый подземный городокъ. По многочисленнымъ сводчатымъ коридорамъ всюду разставлены бочки съ виномъ. Температура поддерживается очень низкая. Здѣсь же вино разливается по бутылкамъ и экспортируется за предѣлы колоній.

Въ центрѣ колоній разсаженъ великолѣпный эвкалиптовый садъ, служащій мѣстомъ для общественныхъ гуляній. Почти противъ него, тоже въ зелени, помѣстилась общественная больница, которую французъ-докторъ охотно и предупредительно предложилъ осмотрѣть. Благоустройство и чистота мало оставляютъ желать лучшаго. Нѣкоторые изъ больныхъ привѣтствовали насъ по русски. Это—русскіе евреи. Общественная безопасность находится въ рукахъ колоніальной полиціи. Для образованія существуютъ двѣ школы съ десяткомъ учителей. Вообще внѣшнее благоустройство колоній производитъ пріятное впечатлѣніе.

Нашъ вечерній столъ раздѣлили съ нами любезный хозяинъ колоніи—русскій еврей и французъ-докторъ. Первый предложилъ намъ отвѣдать мѣстнаго вина и велѣлъ подать нѣсколько сортовъ его, имѣя, несомнѣнно, кромѣ гостепріимства и нѣкоторую рекламную цѣль, не забывъ попутно сообщить цѣны и европейскаго (русскаго) комиссіонера (въ Варшавѣ). Бесѣда была очень оживленная. Присутствіе французскаго гражданина дало поводъ обмѣняться международными любезностями и выразить взаимныя симпатіи. Въ качествѣ десерта поданы были чудные персики необыкновенной величины и разныхъ сортовъ виноградъ, тоже необыкновенной величины. Любезность хозяина простерлась до того, что онъ даже на дорогу снабдилъ насъ нѣсколькими бутылками вина.

12-е Юля. Среда. На слѣдующій день, еще до зари, наскоро перехвативъ чаю, мы выступили въ путь изъ Зихрона. Дорога лежала среди необозримыхъ виноградниковъ, среди моря симметрично разсаженныхъ лозъ. На встрѣчу намъ то и дѣло попадались караваны верблюдовъ, возвращавшихся откуда-то съ пустыми боченками на спинахъ. Мы медленно спускались съ холмовъ, на которыхъ расположена колонія. Нужно только удивляться, какъ колонисты сумѣли культивировать эту гористую почву, изъ мѣловыхъ и известковыхъ породъ. По объясненію хозяина колоніи, дѣло все — не въ почвѣ, а въ орошеніи. Палестинское солнце производитъ чудеса съ почвой, подвергшейся правильному орошенію, и она становится способной ко всякому произрастанію. И наоборотъ, безъ орошенія почва обращается въ пустыню. Естественное орошеніе здѣсь ничтожно, рѣкъ почти нѣтъ; только близость моря нѣсколько охлаждаетъ и увлажняетъ атмосферу. Поэтому для правильной и цѣлесообразной культуры почвы необходимо прибѣгать къ искусственной системѣ орошенія.

Когда мы съѣхали съ холмовъ, солнце уже вышло на небѣ во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, и лучи его стали насъ припекать. Дорога наша еще недалеко ушла отъ моря, и его пріятная синева ласкала глазъ среди начинавшихся песковъ. Мы опять вѣхали въ царство руинъ. Всюду лежали остатки историческаго прошлаго. На самомъ берегу моря возвышаются развалины Кесаріи. Руины этого

когда-то великаго города съ каждымъ годомъ все осѣдаютъ и осѣдаютъ, такъ что скоро изъ-за холмовъ наноснаго песку онѣ будутъ не видны. Этотъ городъ великой христіанской древности, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ великаго апостола Павла, томившагося здѣсь два года въ заключеніи, ап. Филиппа, построенъ былъ Иродомъ Великимъ, и въ честь римскаго Августа названъ Кесаріей. Онѣ обстроилъ его великолѣпными зданіями и сооружениями, воздвигнуты были гро-

Развалины Кесаріи.

манный коллизей, гипсодромъ, отъ котораго остался одинъ столбъ теперь, дворцы, портъ, водопроводы. Позднѣе Кесарія была мѣстопребываніемъ христіанскаго епископа. Здѣсь жили и учили великій Оригенъ и Евсевій, здѣсь основана была богословская школа. Во время крестовыхъ походовъ воздвигнута была новая Кесарія, но и она подверглась участи первой. Развалины средневѣковаго замка виднѣются и теперь надъ старинной дамбой, а отъ древне-римскаго города теперь ничего не осталось. Остатки мраморныхъ колоннъ, груды гранита и циклопическихъ камней, — вотъ все, что свидѣтельствуетъ теперь о бывшихъ дворцахъ, языческихъ храмахъ, христіанскихъ церквахъ, мечетяхъ и об-

щественныхъ зданіяхъ. Нѣкогда пышная и великолѣпная Кесарія покрыта теперь репейникомъ и дикими зарослями и служитъ мѣстомъ для отдыха пастуховъ и ихъ стадъ.

Гдѣ же причина такого запустѣнія? Почему Кесарія не могла возстать послѣ насильственнаго разрушенія? Жизнь и цвѣтущее состояніе города всегда зависѣли отъ прекраснаго порта и великолѣпно устроенныхъ водопроводовъ. Войны и осады разрушили искусственный молъ и тѣмъ уничтожили портъ; водопроводы были прерваны и испорчены, и городъ былъ лишенъ воды. Ни энергіи, ни средствъ не хватило все это возобновить, и жизнь стала замирать въ этомъ городѣ. Теперь эти жалкіе остатки постепенно заносятся пескомъ, и скоро отъ нихъ не останется и слѣда. Грустное впечатлѣніе оставляютъ такія развалины былого величія и жизни. *Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit;* но мы не можемъ вмѣстѣ съ поэтомъ утѣшать себя мыслию, что *Neues Leben blüht aus den Ruinen*: едва-ли на этомъ мѣстѣ запустѣнія „зацвѣтетъ новая жизнь“.

Часамъ къ 10 утра мы сдѣлали передышку и остановились у гробницы Симона Маккавея, какъ гласитъ преданіе. Эта погребальная пещера, уже полуразрушенная временемъ, находится подъ охраной одного арабскаго семейства, которое тотчасъ же насъ обступило, какъ только мы расположились подъ тѣнью развѣсистаго дерева, склонившаго свои вѣтви надъ исторической могилой. Эти большія дѣти, одѣтыя въ самый примитивный костюмъ, съ несказаннымъ удивленіемъ смотрѣли на пришельцевъ, присѣвъ на корточки тутъ же подлѣ насъ. Не сводя глазъ, смотрѣли они въ наши рты, когда мы завтракали, и съ дѣтскою радостью подбирали коробочки отъ консервовъ и остатки завтрака, мирно дѣля между собою доставшуюся добычу.

Нѣсколько отдохнувъ, мы опять пустились въ путь. До Яффы оставалось сдѣлать одинъ переходъ, и мы уже тѣшили себя надеждою на предстоящій отдыхъ и удобства загородной дачи Русской духовной миссіи. Мы проѣхали какую-то деревишку, миновали остатки какого то замка и дорога пошла сыпучими песками, которые сильно тормозили ѣзду. Гряды мѣловыхъ холмовъ, раскинутыхъ то тамъ, то сямъ въ отдаленіи, заслоняли виды. Тутъ приключился съ нами непріятный случай: пала одна изъ лошадей. Молодая

и сильная, она была запалена, и мы видѣли агонію этого животнаго. Сначала она перестала везти и только плелась вслѣдъ за другими, потомъ стала отставать и, наконецъ, совсѣмъ упала. Всѣ усилія поднять ее были напрасны. Жалко было смотрѣть на возницу, который ѣхалъ съ этою лошадыю. Его лицо окаменѣло, онъ молча смотрѣлъ на послѣднія вздрагиванія лошади, и ни одного слова отчаянія, или брани не вырвалось у него. Онъ словно не слышалъ словъ утѣшенія. Когда мы подѣхали къ одной довольно широкой рѣченкѣ и на нѣсколько минутъ остановились, онъ сошелъ съ козель, сѣлъ подъ дерево и заплакалъ. Мы чувствовали себя какъ бы виновными въ этой безмолвной печали, и было больно видѣть это неподдѣльное горе.

До Яффы оставалось недалеко. Видъ мѣстности сталъ замѣтно мѣняться. Передъ нами стало открываться море зелени и садовъ, которые какъ кольцомъ окружаютъ Яффу. Гигантскія живыя изгороди изъ кактуса отдѣляютъ одинъ садъ отъ другого. Всюду слышенъ скрипъ колесъ и шумъ машинъ, накачивающихъ воду и орошающихъ сады. Бассейны и искусственные водоемы въ полномъ ходу. Плоды въ садахъ только наливаются, и въ воздухѣ стоитъ особенный ароматъ отъ апельсиновыхъ, банановыхъ, миндальныхъ, абрикосовыхъ деревьевъ. Высокія пальмы, какъ сторожа, тянутъ къ верху свои головы. Чудный видъ и воздухъ заставляютъ насъ позабыть утомленіе.

Въ 5 часовъ вечера мы были уже у цѣли, и слѣзали съ экипажей у воротъ загородной дачи Русской духовной миссіи. Мы провели чудныхъ четыре дня въ этомъ земномъ раю. Окружающая обстановка удесятерила удовольствіе отдыха послѣ совершеннаго путешествія. Удобныя помѣщенія дачи, роскошный апельсиновый садъ съ купами пальмъ, громадный бассейнъ, въ которомъ мы раза по три въ день купались, истинно-русское радушіе и гостепріимство хозяина дачи о. Архимандрита, вниманіе и любезность котораго просто смущала насъ, общія бесѣды подъ открытымъ небомъ, въ которыхъ мы снова переживали видѣнное и слышанное,— все это было какъ бы волшебнымъ сномъ. Теперь съ трудомъ вѣрится въ дѣйствительность этого сна. Кажется, что природа и обстановка, цвѣта и краски жизни въ этой загородной дачѣ взяты изъ описаній „Тысячи и одной ночи“.

Мы жили среди апельсиновъ и лимоновъ, олеандровъ и пальмъ, подъ сѣнью смоковницъ и рожковыхъ деревьевъ. О. Архимандритъ дѣлалъ все, чтобы мы не забыли этого пребыванія у него на дачѣ. И онъ не ошибся, — пребываніе это будетъ однимъ изъ лучшихъ и свѣтлыхъ воспоминаній нашей поѣздки.

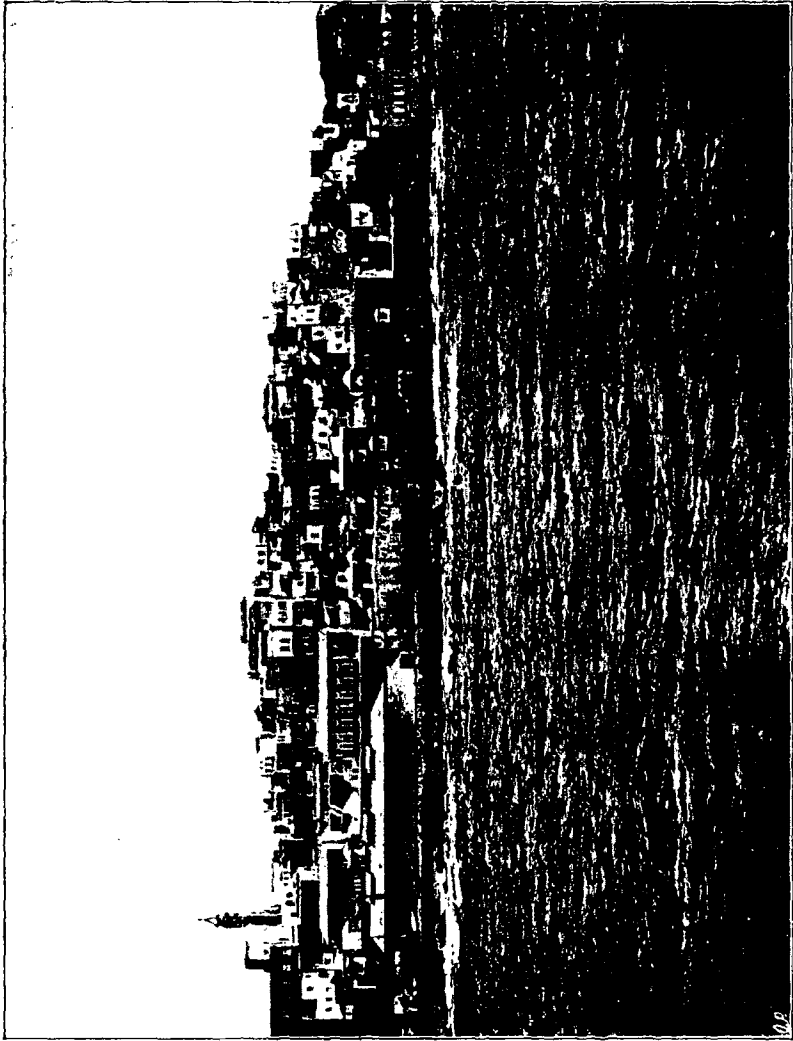
Нѣкоторые изъ нашихъ путешественниковъ еще разъ сѣздили въ Іерусалимъ поклониться Св. Гробу и святынямъ.

Отъѣздъ изъ Яффы въ Россію былъ рѣшенъ на 16-е іюля. Въ этотъ воскресный день о. архимандритъ отслужилъ торжественную всенощную и литургію. Мы всѣ съ Владыкою во главѣ принимали участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Послѣ Литургіи была прощальная трапеза, къ которой пріѣхали, Яффскій вице-консулъ г. Стребулаевъ съ супругой и изъ Іерусалима Н. Г. Михайловъ. Послѣдняя бесѣда была очень задушевна. Прощаніе было еще сердечнѣе. Съ Н. Г. Михайловымъ мы хорошо познакомились и узнали его за время пребыванія въ Іерусалимѣ. Мягкая обходительность этого человѣка, постоянная готовность оказать услугу и рѣдкое джентльменство его снискали ему полное уваженіе съ нашей стороны. Съ о. Архимандритомъ мы близко сошлись на первыхъ порахъ нашего пріѣзда въ Св. Землю. Онъ вмѣстѣ съ нами исколесилъ Іудею, Самарію и Галилею. Мы имѣли возможность вполне оцѣнить о. Александра, добраго, мягкаго, благорасположеннаго ко всѣмъ, чуткаго и внимательнаго къ нашимъ нуждамъ, сердечнаго и отзывчиваго. Мы ему многимъ и многимъ обязаны, и только скромность его не позволяетъ намъ высказать все.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились на пристань, гдѣ ждалъ уже насъ старый знакомецъ—пароходъ „Нахимовъ“, на которомъ мы уже совершили переходъ отъ Константинополя до Афона. На пароходѣ еще разъ мы простились со всѣми и кидали послѣдніе прощальные взгляды на Святую Землю, гдѣ пережили столько хорошихъ дней и вынесли столько сильныхъ впечатлѣній на всю жизнь.

Отъ Яффы до Одессы.

16-е—27-е іюля. Прощай „страна священныхъ воспоминаній“, съ чувствомъ грусти думалъ каждый изъ насъ, отплывая отъ

Н Ф Ф а.

Къ стр. 552.

Яффы—„воротъ палестинскихъ.“ Придется-ли еще разъ въ жизни видѣть тебя? Эта мысль одинаково занимала вниманіе всей нашей компаніи. Палестина—вторая, духовная родина для христіанъ. Святыи градъ Іерусалимъ, Вифлеемъ, Назаретъ, Іорданъ,—все это близкое, живое, родное для сердца, съ дѣтства воспитаннаго въ духѣ вѣры и Церкви. Всѣ высокія святія представленія и чувства связаны съ этими именами... Долго стояли мы на палубѣ, не отрывая глазъ отъ постепенно удалявшейся отъ насъ Яффы и Палестинскаго побережья. Яффа скрывалась отъ насъ, точно погружаясь въ воду. Солнце зашло; наступила быстро темень. Не видя ничего вокругъ себя, мы до поздней ночи дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, воспоминаніями изъ недавно пережитаго и пережитоваго въ Св. Землѣ. Палубныхъ и классныхъ пассажировъ было неособенно много. Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, находились: секретарь Іерусалимскаго генеральнаго консульства А. А. Базилевскій, инспекторъ Назаретскихъ школъ П. П. Николаевскій, начальница Бет-Джалскаго пансіона Е. М. Тараканова, начальница Назаретской женской школы Ек. Н. Коковина, учительница Назаретской школы А. Ѡ. Юдина и учительница Триполітской школы М. Ѡ-на. Всѣ эти пионеры русскаго дѣла въ Сири и Палестинѣ ѣхали на каникулы въ Россію. Съ ними ѣхала учительница Бет-Джалскаго пансіона М-ле Маріамъ, уроженка Вифлеема. ѣхала она въ первый разъ въ Россію, которая ее воспитала и которой она теперь служить. Въ обществѣ этой просвѣщенной компаніи мы прекрасно провели время нашего плаванія до самаго Константинополя. Изъ бесѣдъ съ самоотверженными тружениками — педагогами мы вынесли для себя много поучительнаго и назидательнаго, и прониклись глубокимъ уваженіемъ къ этимъ дѣятелямъ просвѣщенія на далекой чужбинѣ, при такихъ тяжкихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, о которыхъ и трудно составить себѣ приблизительно представленіе. Въ этомъ мы и сами отчасти убѣдились, особенно въ Назаретѣ.

Въ полночь отправились мы на товарищескую „вечерю“, устроенную на кормѣ парохода, подъ знакомымъ уже намъ желѣзнымъ рулемъ, нашими распорядительными товарищами, съ хозяйственными талантами. Сюда же пришли Преосвященный съ Н. Ѡ. Каптеревымъ и раздѣлили съ нами скром-

ную, но радушную трапезу. Въ непринужденной бесѣдѣ прошло болѣе часу времени. Какъ чувствовалось хорошо! Вверху—чистое небо, усѣянное мириадами ярко блестящихъ звѣздъ, во тьмѣ южной ночи; кругомъ—безбрежное водное пространство, разсѣкаемое теперь могучею, хотя и старческою, грудью нашего ветерана — парохода „Нахимовъ“. Влажный морской воздухъ бодряще дѣйствуетъ на насъ. Чувствуется всѣмъ хорошо; не хочется и спать, хотя уже за полночь. Вотъ вдали показались огоньки. Говорятъ,—это Бейрутъ, мимо котораго мы теперь проплываемъ, такъ какъ онъ объявленъ по чумѣ неблагополучнымъ. А жаль,—мы обѣщали нашимъ Бейрутскимъ знакомымъ навѣстить ихъ на обратномъ пути, о чемъ они усердно просили. Послѣ этого, получивъ благословеніе Преосвященнаго, мы тутъ же и расположились ночевать.

17-е іюля. Въ полдень прибыли къ городу Триполи. Страшная духота и жара чувствовалась на пароходѣ. Ко времени прибытія парохода, ставшаго на значительномъ разстояніи отъ берега, прибыли сюда знакомые уже намъ молодые люди, Хашабы, привѣтствовавшіе Преосвященнаго отъ имени Митрополита, пригласивъ его и всѣхъ насъ къ себѣ на обѣдъ, на которомъ будетъ и Митрополитъ. Съ удовольствіемъ мы воспользовались такимъ радушіемъ, тѣмъ болѣе, что пароходъ будетъ стоять здѣсь до слѣдующаго полудня. О. Абдула и добрѣйшая матушка встрѣтили насъ какъ старыхъ знакомыхъ. Тутъ уже былъ и Преосвященный Митрополитъ Григорій, благословившій насъ и высказавшій радость, что онъ, хотя и не въ своемъ домѣ, будетъ имѣть удовольствие раздѣлить трапезу съ дорогими русскими гостями. Съ нашимъ Преосвященнымъ и Н. Θ-чемъ Митрополитъ черезъ переводчика велъ очень оживленную и интересную бесѣду по поводу путешествія и вынесенныхъ наблюденій, касавшуюся многихъ такихъ вопросовъ, которые могутъ быть понятны только людямъ, побывавшимъ на Востокѣ, и въ частности—въ Палестинѣ и Сиріи... Митрополитъ Григорій высказалъ при этомъ обширныя и глубокія познанія по древней исторіи Сиріи и Палестины. Въ такихъ интересныхъ разговорахъ во время обѣда и послѣ, за чашкою чая и фруктами, подъ развѣсистую смоковницу прошло незамѣтно время до вечера. Нѣкоторые изъ насъ съ Преосвященнымъ справились послѣ

этого на пароходъ, а другіе, уступая просьбѣ радушныхъ хозяевъ, остались здѣсь на ночлегъ. На полу лучшей комнаты приготовлены были пышныя постели, усыпанныя по восточному ароматными цвѣтами жасмина.

18-е іюля. Проснулись въ 7 ч. утра. Отецъ Абдула уже возвратился съ заказной обѣдни, которую онъ служилъ съ Митрополитомъ. По русскому обычаю намъ былъ поданъ чай. Но отецъ Абдула и его матушка не раздѣлили съ нами компаніи,—имъ подано было блюдо смоквъ въ сыромъ видѣ. Отецъ Абдула, въ черномъ подрясникѣ съ кожанымъ монашескимъ поясомъ и черной камилавкѣ, и матушка, въ черномъ платьѣ и черной повязкѣ на головѣ по тамошнему обычаю, сидѣли съ нами за чайнымъ столомъ и какъ могли выражали свою любезность. Вскорѣ отецъ Абдула былъ приглашенъ на потребу, и мы, распростившись съ радушными хозяевами, отправились осматривать городъ и сдѣлать въ немъ кое-какія покупки.

Пароходъ долженъ сняться съ якоря сегодня, въ часъ дня. За $\frac{1}{2}$ часа до отхода парохода прибылъ сюда Митрополитъ Григорій, чтобы проститься съ нашимъ Преосвященнымъ и преподать намъ напутственное благословеніе. Въ простой, задушевной бесѣдѣ добрѣйшаго Митрополита съ нами незамѣтно прошло время. Мы отъ всей души полюбили его за его доброту, вниманіе и любовь къ намъ. Прощаясь съ нимъ, мы пожелали ему еще много-много лѣтъ святительства во славу Св. Церкви, и Антіохійской въ частности, которая теперь переживаетъ переходное время. Особенно трогательно было прощаніе обоихъ Архипастырей. Митрополитъ Григорій преподнесъ нашему Преосвященному большую фотографическую группу всѣхъ современныхъ Святителей Антіохійскаго патріархата. Затѣмъ онъ оставилъ пароходъ при взаимныхъ пожеланіяхъ, и мы въ часъ дня отплыли отъ гостепріимнаго Триполи, сохранивъ о немъ, особенно же о Святителѣ его, самыя пріятныя воспоминанія.

19-е—22-е іюля. Плаваніе по Средиземному морю, Архипелагу и Мраморному морю, до самаго Константинополя, совершено было безъ всякихъ приключеній, если не считать морской болѣзни, которою нѣкоторые изъ насъ страдали вслѣдствіе довольно сильнаго вѣтра, дувшаго во время двухдневнаго плаванія по Средиземному морю. Не смотря

на однообразіе пути, и притомъ уже знакомаго намъ, мы отнюдь не ощущали скуки, а чувствовали себя прекрасно, проводя время въ разговорахъ, въ чтеніи, въ бесѣдахъ о разныхъ предметахъ, въ воспоминаніяхъ о путешествіи. Значительное оживленіе нашей компаніи придавали учительницы Палестинскихъ и Сирійскихъ школъ, отъ которыхъ мы много интереснаго узнали о положеніи просвѣтительнаго дѣла на Востокѣ.

Плывя 20-го іюля мимо острова Родоса, мы увидали спущенные флаги,—знакъ того, что на материкѣ случилось что нибудь не доброе. Въ Хіосѣ, къ которому пристали въ яркій полдень, мы узнали о возмутительномъ убійствѣ анархистомъ Итальянскаго короля Гумберта, наслѣдникъ котораго съ супругой былъ одновременно съ нами въ Іерусалимѣ, сохраняя строжайшее инкогнито. Въ Хіосѣ нѣкоторые изъ нашей компаніи прошли на берегъ, чтобы погулять по землѣ и запастись провизіей. Около 4-хъ часовъ по полудни пароходъ остановился у острова Митилены. Бывшій недавно мѣстомъ столкновенія двухъ великихъ державъ, этотъ островъ выглядит чрезвычайно живописнымъ. Нѣкоторые изъ насъ отправились въ городъ, который произвелъ очень пріятное впечатлѣніе своими прекрасными зданіями, чистотою улицъ, и вообще своимъ благоустройствомъ. Жители, большею частію греки, мужчины и женщины, отличаются своимъ благообразіемъ и какою то жезнерадостностію. Среди города—большой греческій храмъ, съ высокимъ куполомъ и крестомъ. Такихъ величественныхъ и видныхъ греческихъ храмовъ намъ не приходилось видѣть въ другихъ мѣстахъ Востока.

22-го іюля, въ 11-ть часовъ вечера, пароходъ нашъ сталъ на якорѣ въ Босфорѣ, при впаденіи его въ Мраморное море, между Сералемъ и Скутари. Тутъ онъ и стоялъ до утра слѣдующаго дня. Босфоръ и Константинополь представляли и теперь, не смотря на полночь, волшебную панораму при множествѣ огоньковъ, которые точно звѣзды въ небѣ блестяли по всему Босфору. Долго, долго мы не могли оторвать глазъ отъ этой волшебной картины, пока, наконецъ, не отправились на ночлегъ.

23-е іюля. Воскресенье. Добрѣйшій нашъ кормилецъ о. Евгеній встрѣтилъ насъ, освѣдомляясь участливо о нашемъ здравіи. Пароходъ здѣсь долженъ простоять до вторника.

Поэтому, оставивъ здѣсь свои вещи, мы, въ сопровожденіи о. Евгенія, отправились на подворье. Таможенные досмотрщики, зная доброту афонскихъ иноковъ, пропустили насъ безъ всякихъ задержекъ, и мы, при торжественномъ перезвонѣ колоколовъ съ Пантелеимоновскаго подворья, въ честь Преосвященнаго, вступили подъ знакомый гостепріимный кровъ. Тотчасъ, по прибытіи, мы отправились въ храмъ, чтобы возблагодарить Бога за такъ счастливо совершенное нами путешествіе. Храмъ былъ переполненъ братушками-славянами, а отчасти и греками. По входѣ Преосвященнаго, началась Литургія, и мы всѣ приняли участіе въ пѣніи. По окончаніи Литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по поводу нашего возвращенія. Всѣ мы были въ прекрасномъ настроеніи. Преосвященный отправился съ визитомъ къ послу И. А. Зиновьеву, въ Буюкдере, гдѣ и пробылъ, благодаря радушному гостепріимству г. Посла, до слѣдующаго дня. А мы, отдохнувъ и подкрѣпившись обильнымъ обѣдомъ, приправленнымъ любезными приглашеніями о. Евгенія, рѣшили осмотрѣть недосмотрѣнное въ первый разъ. Рѣшено было прокатиться на лодкѣ по Золотому Рогу. Въ 4 часа мы и отправились въ это очаровательное путешествіе. По обѣимъ сторонамъ—чудная панорама нависшихъ одинъ надъ другимъ высочайшихъ зданій оригинальной архитектуры. Мы плыли среди множества лодочекъ, кайковъ, парходиковъ, и только привычная ловкость и опытность нашего лодочника предохраняла насъ отъ неминуемаго, по видимому, столкновенія съ ними. Греки, праздную воскресный день, большими группами расположились у прибрежныхъ открытыхъ ресторановъ, откуда доносились къ намъ музыка и пѣніе. Извиваясь голубою лентою, Золотой Рогъ, по мѣрѣ углубленія внутрь его, становился все менѣе и менѣе очаровательнымъ. Корабельная верфь съ обветшалыми судами, казармы, расположенныя по обѣимъ сторонамъ береговъ, кузницы, загрязненная вода....,—все это было слишкомъ „прозаично“ и съ поэтическихъ высотъ низводило на землю. Только толпа празднующихъ Грековъ, кейфующихъ въ кофейняхъ, разнообразила нѣсколько картину, начинавшую надоѣдать своимъ однообразіемъ. Особенно радостно, какъ видно, праздновался день воскресный въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ, гдѣ заливъ круто загибается, откуда

доносилось особенное веселіе. Противъ него, на другомъ лѣвомъ берегу, какъ бы для контраста и въ поучительное назиданіе, раскинулось обширное кладбище турецкое съ темно-зелеными пирамидальными кипарисами и бѣлыми надгробными памятниками различныхъ формъ, смотря по состоянію и рангу покойниковъ. Кладбища—любимое мѣсто для прогулокъ турецкихъ женщинъ. И теперь мы видѣли нѣсколькихъ изъ нихъ, сидѣвшихъ на окраинѣ кладбища, въ длинныхъ черныхъ балахонахъ и съ полузакрытымъ лицомъ. Вышли и онѣ, гаремныя затворницы, чтобы, хотя сквозь черное покрывало, поглядѣть на бѣлый свѣтъ Божій и тѣмъ разогнать свое уныніе и тоску. Отсюда мы и поворотили въ обратный путь, тѣмъ болѣе, что день уже замѣтно склонялся къ вечеру. При свѣтѣ заходящаго солнца, мы теперь любовались Золотымъ Рогомъ и частями города, мимо которыхъ мы проѣзжали. Теперь уже мы могли ориентироваться въ этой громадѣ мечетей, дворцовъ и другихъ зданій. Вотъ Фанаръ, вотъ зданія Болгарской экзархіи, вотъ мечеть Сулеймана, Ахмедіе; вотъ Св. Софія....

Въ 8-мь часовъ вечера мы уже были у себя—на подворьи. Дѣлаясь впечатлѣніями въ ожиданіи вечерняго чаю, на кровлѣ пятиэтажнаго зданія, мы вдругъ освѣщены были моментально вспыхнувшимъ заревомъ. Оказалось, — загорѣлся недалеко находящійся отъ подворья деревянный кафе-шантанъ. Пожаръ былъ настолько сильный, что не только искры, а цѣлыя головни падали на кровлю подворья, хотя безъ всякой опасности, такъ какъ тутъ нечему горѣть. Деревянный же кафе-шантанъ въ какой нибудь часъ сгорѣлъ до тла, не смотря на геройскія усилія босоногой турецкой пожарной команды. Впрочемъ, тутъ нужно удивляться тому, какъ при такой скученности домовъ пожаръ ограничился только однимъ домомъ. До поздней ночи гуляли мы по кровлѣ, любуясь чуднымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами и Босфоромъ со множествомъ пароходныхъ огней. Сквозь примракъ ночной проглядываютъ силуэты мечетей, дворцовъ. А возлѣ насъ, недалеко отъ сгорѣвшаго кафе-шантана, опять начались прерванныя пожаромъ пѣніе и музыка, какъ будто ничего и не было. Затѣмъ, одинъ по одному отправились на ночлегъ.

24-е іюля. Понедѣльникъ. Утро нынѣшняго дня посвятили

вторичному обозрѣнію Св. Софіи и другихъ мечетей. Первое впечатлѣніе не только не ослабѣло, но еще болѣе усилилось. Мы вполне убѣдились, что Св. Софія не только велика, какъ и другія мечети, но и необыкновенно величественна, чего нельзя сказать о другихъ мечетяхъ. Послѣобѣденное время вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ и Н. Ѳ. Каптеревымъ посвятали обозрѣнію Русскаго Археологическаго Института, нѣсколько лѣтъ тому назадъ учрежденнаго. Директоромъ его, съ самаго начала основанія, состоитъ Ѳ. И. Успенскій, бывший профессоръ Одесскаго Университета. Всецѣло ему же и обязанъ Институтъ нынѣшнимъ своимъ процвѣтаніемъ и плодотворностію, выражающеюся въ весьма цѣнныхъ ученыхъ трудахъ по Византологіи, принадлежащихъ или ему, или же написанныхъ подъ его руководствомъ. Институтъ находится въ Перу въ большомъ наемномъ зданіи. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается музей и квартира директора, а въ верхнемъ—библіотека и комната для ученыхъ занятій. Подъ руководствомъ Θεодора Ивановича и ученаго секретаря Института Б. В. Фармаковскаго мы познакомились, конечно бѣгло, съ неоцѣненными сокровищами музея и библіотеки Института. Этотъ осмотръ показалъ намъ, что можетъ сдѣлать любовь и энергія одного человѣка, всецѣло преданнаго своему дѣлу. Такіе люди дѣлаютъ честь своей родинѣ. Къ сожалѣнію, ихъ такъ мало, въ особенности въ области Византино-вѣдѣнія. Въ комнатѣ для ученыхъ занятій мы встрѣтили трехъ молодыхъ людей, занимавшихся здѣсь по исторіи Византіи. Одинъ изъ нихъ—племянникъ Θεодора Ивановича, профессорскій стипендіатъ Казанской Академіи, Успенскій, а двое другихъ—изъ университета. По этому поводу Ѳ. И-чъ бесѣдовалъ съ Преосвященнымъ Ректоромъ и Н. Ѳ-мъ о томъ, какъ полезно было бы, если бы наши Духовныя Академіи посылали сюда студентовъ для ученыхъ работъ по византійской исторіи ¹⁾.

Послѣ этого мы посѣтили квартиру Ѳ. И-ча и познакомились съ его супругою. Радушные хозяева предложили намъ

---

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, Ѳ. И. обратился къ Преосвященному Антонию, Митрополиту С.-Петербургскому, съ запискою подобнаго рода. Эта записка послана была на обсужденіе Совѣтовъ Духовныхъ Академій, и Московская Академія вполне присоединилась къ мысли Ѳ. И-ча.

чай, за которымъ незамѣтно прошло часа два времени въ ученой и интересной бесѣдѣ. Нужно быть на чужбинѣ, чтобы оцѣнить подобное радушіе, особенно же при сознаніи значенія извѣстной личности, какъ это было и въ данномъ случаѣ. Долгомъ считаемъ принести искреннюю благодарность Θεодору Ивановичу и его супругѣ за то вниманіе, какое было оказано ими намъ. Съ такими чувствами мы и простились съ радушными хозяевами и отправились къ себѣ на подворье, гдѣ въ дружеской бесѣдѣ и провели послѣдній вечеръ пребыванія въ турецкой столицѣ.

25-е Юля. Вторникъ. Сегодня въ три часа отправляемся въ Одессу. Утромъ отстояли литургію и выслушали напутственный молебенъ. До обѣда отправились въ городъ и сдѣлали закупки, которыя должны напомнить намъ о нашемъ пребываніи здѣсь: альбомы, виды, фески, и т. п. Въ два часа, послѣ обѣда, при торжественномъ перезвонѣ колоколовъ, отправились мы изъ подворья на пароходъ, въ сопровожденіи завѣдующаго подворьемъ о. Мисаила, добрѣйшаго о. Евгенія и братіи. Передъ самымъ отходомъ парохода явился первый драгоманъ посольства, извѣстный П. В. Максимовъ, и вручилъ Преосвященному пожалованный ему Его Величествомъ Турецкимъ Султаномъ орденъ Меджидіе 1-й степени „въ знакъ покровительства Его Величества православнымъ“. Такое вниманіе Его Величества, въ предѣлахъ Имперіи котораго мы пробыли больше мѣсяца, къ нашему Начальнику и инициатору путешествія, было и для насъ очень пріятно, такъ какъ въ лицѣ его и мы въ нѣкоторомъ смыслѣ были почтены. Наконецъ въ три часа пароходъ снялся съ якоря. Все время плаванія по Босфору мы не сходили съ палубы, не отрывая глазъ отъ постепенно удалявшагося волшебнаго города, стараясь запечатлѣть его въ своей памяти. Почему-то грустно было, и этой грусти не могла разсѣять даже мысль о возвращеніи на родину,—такъ мы свыклись съ Востокомъ.

Въ пять часовъ мы вступили въ грозныя воды Чернаго моря. Вѣтеръ сталъ разгуливаться, бѣлые барашки стали появляться чаще и чаще, нашъ старичекъ „Нахимовъ“ началъ все сильнѣе и сильнѣе кряхтѣть, многіе изъ насъ стали испытывать морское томленіе, предпочитая одиночество. На-стала ночь...

26-е Юля. Среда. Послѣдній день плаванія. Всѣ провели

вмѣстѣ въ товарищеской бесѣдѣ. Море утихло. Чувствуется близость дорогой родины.

27-е Юля. Утреннее солнце разбудило насъ. Тихо подняваемъ къ Одесской гавани. Спущенъ трапъ. Простились съ капитаномъ и поблагодарили его за вниманіе къ намъ во все время продолжительнаго пути. Въ предшествіи Преосвященнаго направились въ таможеню. Таможенныя власти съ полнымъ довѣріемъ отнесли къ намъ, не осмотрѣвъ нашихъ вещей. Багажъ нашъ, состоявшій изъ множества маленькихъ узелковъ съ разными вещами, нагруженъ былъ на простую телѣгу, и мы вслѣдъ за нею отправились на Пантелеимоновское подворье, зорко слѣдя за сохранностію вещественныхъ памятниковъ нашего путешествія, которые должны напоминать намъ о самыхъ счастливыхъ дняхъ нашей жизни. Мы прибыли на подворье какъ разъ въ день храмоваго праздника его, въ честь Св. Пантелеимона. Тутъ готовились къ архіерейской службѣ, которую имѣлъ совершить Высокопреосвященнѣйшій Іустинъ, Архіепископъ Одесскій. Молитвою здѣсь предваренъ нашъ путь, молитвою и заключенъ.

Благодареніе Богу, споспѣшествовавшему намъ въ благополучномъ совершеніи дальняго пути въ „Страну Священныхъ Воспоминаній“.

Глубокая благодарность Палестинскому Обществу, облёгчившему и благоустроившему наше путешествіе, въ лицѣ Секретаря и неутомимаго дѣятеля Общества, В. Н. Хитрово, управляющаго Русскими постройками въ Іерусалимѣ Н. Г. Михайлова и уполномоченнаго Общества въ Одессѣ М. И. Осипова.

Сыновняя благодарность нашему Преосвященному и Начальнику, инициатору нашего паломничества, съ отеческою любовію относившагося къ намъ во все время путешествія и руководившаго нами.

Благодареніе Господу Богу и сердечное спасибо всемъ добрымъ людямъ, благодѣявшимъ намъ на пути.
